

Русины Молдавии: право на сохранение этничности

С.Г. Суляк

Демократические перемены конца 1990-х годов, происшедшие в странах Центральной и Восточной Европы, позволили вернуть из “небытия” этнос, существование которого ранее отрицалось по идеологическим причинам. Все эти годы история коренного восточнославянского населения Карпато-Днестровских земель, потомков тиверцев, уличей и белых хорватов, наследников Галицкого княжества – русинов, подвергалась “забвению”. Советская официальная историография предпочитала не касаться этой темы, боясь осложнить процесс образования украинской социалистической нации. Власти социалистической Румынии продолжали принятый с начала образования румынской государственности курс на принудительную ассимиляцию национальных меньшинств. Правительство Польши “решило” в 1947 г. русинский вопрос, депортировав большинство лемков (этнографическая группа русинов) в Западную Силезию. Этноним “русин” являлся самоназванием населения Древней Руси, сохранившим до сих пор среди жителей Карпато-Днестровских земель. Русины делились на ряд этнокультурных групп. Позже возник еще один этноним – “руснак”. Вначале он определял конфессиональную принадлежность. В отличие от поляков-католиков, русины исповедовали “русскую” веру и были либо православными, либо униатами (Суляк 2004: 9–10).

Сегодня русины и их потомки, помимо Молдавии, проживают в Воеводине (Сербия), Хорватии, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Польше, Украине (в основном в Закарпатье), США и других странах. В 11 странах мира они признаны самостоятельным народом. Словакия, Польша, Венгрия, Хорватия и Сербия официально поддерживают это национальное меньшинство, выделяют деньги из бюджета на издание литературы и периодики на русинском языке (Шевченко 2004). В Венгрии 13 районов, населенных русинами, имеют самоуправление. В Палате депутатов Румынии представлены 19 организаций национальных меньшинств, среди них – Культурологический союз русинов Румынии. В перечисленных выше странах (в том

Сергей Георгиевич Суляк — президент Общественной организации “Русь” (г. Кишинев); e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

числе и на Украине) действуют многочисленные общественные организации русинов, выходят журналы, газеты, книги. И уже ни у кого, за исключением нескольких ангажированных историков, не возникают вопросы: зачем это надо; имеют ли право русины на сохранение своей культуры, языка и идентичности? Эти права предоставлены мировым сообществом всем людям, определившим свою принадлежность к национальным меньшинствам. В последние годы происходит рост актуализация этничности и у русинов Молдавии; положено начало разработке их этнической истории; с 2005 г. в Кишиневе выпускается международный исторический журнал “Русин”; в 2003 г. функционирует общественная организация “Русь” – первая этнокультурная организация русинов Молдавии; проведено несколько международных научных конференций, посвященных истории, культуре и языку русинов.

В середине XIV в. русины вместе с волохами основали Молдавское средневековое княжество. Православное Молдавское государство было создано русинам Пруто-Днестровских земель вместе с волохами и русинами Семиградской Руси. В середине XIV в. русинское население составляло 39,5% от населения княжества (*Полевой* 1979: 113). Почти все воеводы начального периода молдавской истории – Драгош, Богдан I, Богдан II, Лацко и другие – носили славянские имена. Преждевременная смерть Лацко, как считал румынский историк Николае Йорга, помешала основать русскую династию в Молдавии (*Iorga* 1995: 358). Во времена молдавского господаря Стефана Великого (1457–1504 гг.) в уездах Сучава, Ботошань, Васлуй и Тутова было много сел с названием “Русский” (“*Rusii*”) (*Nistor* 1997: 83).

О многочисленности древнерусского населения свидетельствуют Новгородская и Воскресенская летописи, где перечислены русские города конца XIV – начала XV в., в том числе расположенные в Карпато-Дунайских землях, вошедших к тому времени в состав Молдавского княжества; среди них Белгород, Черн, Яськыи торг на Пруте реце, Романов торг, Романов торг на Молдове, Немеч в горах, Соच्याва, Серет, Бая, Чечюн, Коломыя, Городок на Черемоше Хотен (Новгородская первая... 1950: 475; ПСРЛ 1856: 240). Восточные славяне, по данным румынской исследовательницы Маргареты Штефэнеску, оставили на территории Молдавского княжества в общей сложности 548 названий с чисто славянскими корнями и 321 название со славянским суффиксом -овци, которые имели особенно широкое распространение в Буковине (174 названия), в Северной Молдове и Северной Бессарабии (Хотинский, Сорокский, Оргеевский уезды) (*Сергиевский* 1946: 335–336). В грамотах молдавского господаря Стефана Великого (1457–1504 гг.), относящихся к Бессарабии, упомянуты несколько десятков названий, в которых наряду с молдавскими (8), татарскими и неясными (8) названиями большинство – 38 – восточнославянские (Там же: 339). Русский историк-эмигрант Г.В. Вернадский обоснованно назвал средневековую Молдавию Молдавской Русью (*Вернадский* 2000: 146).

Институты феодального общества Молдавского княжества испытали сильное русинское влияние. Хотя правитель округа в Молдавии именовался *пыркалаб*, но даже в XV в. в некоторых пограничных округах документы на славянском языке называли

их на русский лад *посадниками*. Сами округа назывались *державами* (от слова “держать”), в молдавских же документах – *цинутами* (слово было образовано от молдавского *a цине*, т.е. “держать”) (*Мохов* 1977: 27). Язык русинов (древнерусский) до второй половины XVII в. был официальным языком Молдавского княжества.

В Молдавском княжестве русины компактно заселяли север и северо-восток страны. Они длительное время сохраняли русинскую (русскую) этнокультурную идентичность и оказали большое влияние на формирование антропологического облика, материальную и духовную культуру молдаван. Это нашло отражение в современном физическом облике молдаван (жителей Республики Молдова и Румынской Молдовы), которые отличаются от представителей других районов Румынии такими важными для дифференциации европейцев признаками, как пигментация и головной указатель. У обеих молдавских групп выявлено ослабление пигментации, проявляющееся в цвете глаз и волос, и понижение головного указателя до тенденции к мезокефалии. Перечисленные антропологические особенности имеют четко выраженную восточнославянскую (русскую) направленность (*Великанова* 1993: 88–89). Значительны русинские заимствования в молдавской календарной и семейной обрядности, народной одежде, языке. В основном фонде современного молдавского языка около 2 тыс. слов восточнославянского происхождения (*Суляк* 2004: 79–80).

Присоединение в 1812 г. Пруто-Днестровского междуречья к России способствовало экономическому и культурному развитию края. Это привело к быстрому росту его населения. В середине XIX в. наиболее населенными были Кишиневский и Хотинский уезды. Если численность населения Бессарабии возросла с 1812 по 1858 г. в 3,7 раза, то в Хотинском у., большинство населения которого составляли русины, – в 11,5 раз (*Зеленчук* 1979: 100).

Как этнокультурное сообщество русины стали изучаться российскими учеными в конце XIX в. Большинство дореволюционных исследователей считали их коренным населением Бессарабии и отмечали этнокультурные отличия от малороссов и великороссов (*Список населенных мест...* 1861: XX; *Защук* 1863: 106; *Лашков* 1912: 55–56; Бессарабия 1903: 179; *Берг* 1923: 15; *Несторовский* 1905а: 7–8; *Брокгауз, Ефрон* 1891: 607; *Потоцкий* 1902: 35.). По данным российских этнографов того времени, в начале XX в. не менее 250 тыс. жителей Бессарабии, проживавших в основном в ее северной части (более одной восьмой населения губернии), официально учтенных как малороссы, сами себя считали русинами (руснаками) (*Берг* 1923: 17; Бессарабия 1903: 179; *Несторовский* 1905а: 11). Поскольку по результатам переписи 1897 г. малороссов в Бессарабии насчитывалось 379 698 чел., а русинов (руснаков) уже тогда официально приписывали к малороссам, следует предположить, что в тот период более половины населения губернии, в то время именуемого малороссийским, составляли русины. Общее число населения Бессарабии в 1897 г. составляло 1 935 412 чел. (*Первая всеобщая...* 1905: XIII, XXI).

Российский этнограф П.А. Несторовский выделил три типа русинов “в отношении своего внешнего и внутреннего быта”: 1) буковинцев, или русинов бессарабской

Буковины, “удержавших более других старинный русинский тип”; 2) русинов поселений, прилегавших к г. Хотину и в самом городе; 3) русинов, группировавшихся возле местечек Бричаны и Секуряны (*Несторовский* 1905б: 2). Он же считал, что давно отрезанные от своих зарубежных сородичей бессарабские русины успели превратиться в самостоятельную этнографическую единицу с довольно явственно обозначенной этнокультурной индивидуальностью (*Несторовский* 1905а: 3). Этнограф описал многие черты материальной и духовной культуры русинов в своей классической работе “Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк” (*Несторовский* 1905).

Русины, как отмечал П.А. Несторовский сохранили многие старинные обычаи. Дома их почти всегда обращены фасадом на юг. Каждый дом имел *прысьбу* (завалинку) и был побелен, кроме тыльной стороны, известкой. Дома содержались опрятно, так как часто мазались снаружи и внутри. Строились хаты из дерева, а затем обмазывались снаружи и внутри глиной. Верхушку хаты покрывали мятой соломой. Хата обыкновенно состояла из трех частей: большой хаты, сеней, малой хаты, или *хатчины*. В доме три двери: наружная, затем из сеней одна вела в *вылыку*, хату, а другая – в *хатчину*. На почетном месте в доме (так называемый красный угол) размещали иконы. В летнее и осеннее время за иконы любили ставить цветы. Меблировка была неприхотлива. У печки устраивалась дощатая постель, прикрепленная на четырех столбах, вбитых в землю. Простой деревянный стол ставился под иконами.

Возле каждого дома – плетень или каменная ограда (*мур*). В последнем случае камень укладывался прямо без всякой глиняной известковой связи и никогда не обмазывался. Кроме того, имелись гумно (*тик*) – помещение для склада хлеба и молотбы его в зимнее время, огород, сад (буковинские сады были известны по всей губернии), *обора* – загон для скота, *кошара* – загон для овец, конюшня. Также бывали *шоны* для хранения хозяйственных орудий, *коморы* для съедобных хозяйственных запасов. *Кошницы* – помещения для хранения кукурузы в початках, имевшие форму несколько вытянутого овала, устраивались на столбах.

Редкое русинское село располагалось на ровном месте. большей частью села ютились где-нибудь в котловине или раскидывались на большом косогоре или *горбах* (холмах). Это объяснялось тем, что почти весь Хотинский у. отличался холмистой поверхностью. В центре села находилась церковь, иногда старенькая, деревянная, с покрившимися стенами и куполами. Улицы в селе были узкие и неровные и состояли исключительно из разных закоулков и переулков (*Несторовский* 1905б: 52–58).

Относительно одежды, как отмечал П.А. Несторовский, русины – народ скорее консервативный и плохо поддававшийся разного рода новшества. Всякое изменение уборов и одеяний считалось в некоторых местах предосудительным и вызывало насмешки.

Головным убором у мужчин, особенно у молодежи, нередко служила серая круглая войлочная шляпа, добытая контрабандным способом из-за границы. Головной убор из соломы или войлока назывался *капелюх*. Зимой на голову надевали высокую баранью шапку черного или серого цвета – *кучма*. Одежда мужчин состояла

из длинной, широкой белой полотняной сорочки с широкими, на конце открытыми рукавами, без воротника и из узких белых полотняных штанов, стягивавшихся вокруг бедер так называемым *очкуром*. Сорочку носили обыкновенно поверх штанов. Ее опоясывал разноцветный льняной пояс (*крайка*). Пояс окаймлялся узким ремнем, унизанным медными пуговицами и разными блестками. К ремню привешивались на узеньких ремешках *калытка* (кисет) из бараньей кожи и нож, а курящий еще имел огниво для добывания огня. Некоторые носили вместо крайки и ремня вокруг нее *черес* (широкий ременный пояс с помещениями внутри для денег).

Верхней одеждой служил черный, серый или белый льняной *чугай* (*сардак*) – пальто. На ноги надевали *чоботы* (сапоги), *постолы* (лапти), *черевыки* (башмаки). Последние носили только на Буковине. Обертывались ноги *онучами*. Зимой мужчины носили поверх полотняных штанов белые или темные узкие *гачи* (льняные штаны) или *мышыны* (штаны из бараньей кожи шерстью внутрь). Непосредственно на сорочку надевался *кожух* (тулуп), а поверх него еще и сардак. Кожух шился без всяких складок в талии и без воротника. По форме он был похож на мужское пальто с тем различием, что снаружи, вокруг пояса, нашивались из красного сукна своеобразные цветы. *Рукавыци* (перчатки) делались из шерсти с одним большим пальцем. В ненастную погоду надевали *манту* (бурка), сзади которой прикреплялся небольшой льняной четырехугольник, прикрывавший голову. На Буковине известен был также *мунтян* (маленький безрукавный тулупчик), украшенный снаружи сафьяновыми ремнями различных цветов. Его носили мужчины и преимущественно летом.

Женский наряд, несмотря на некоторую схожесть с малорусским, тоже имел свои особенности. Летом он состоял из длинной узкой полотняной сорочки с широкими, на конце открытыми рукавами, с разноцветной вышивкой на груди, рукавах, плечах. Широкая льняная, темная или с красноватым отливом юбка – *горботка* или *катринца* имела два пришитых к ней узеньких разноцветных пояска (*баюры*, или *баюрки*) для подвязывания горботки вокруг тела. Пояс *крайка*, повязываемый поверх костюма, почти не отличался от мужского. Чугай (*сардак*) – такой же, как и у мужчин. Ноги обували в кожаные *черевыки*, заменявшиеся зимой сапогами.

Голову покрывали платком разных цветов (девушки) и *рушныком* (*утиральником*) с красивыми узорами (замужние женщины) (последний принимал форму то *кычки*, то *кырпы*). Обыкновенно волосы на темени укладывались в форме квадрата. Поверх него накладывали тряпки, обвязываемые платком. Затем все это покрывалось сверху *рушныком*, при этом *кырпе* (на Буковине) придавалась четырехугольная форма, а кичке – круглая. В праздничные и воскресные дни девушки на Буковине надевали иногда на голову венки (*карабули*), которые делали из маленьких *цятков*, *код* (лент), искусственных цветов, павлиньих перьев и т.п. (в отличие от поднестрировских русинок, у которых были венки в основном малорусского типа). *Карабули* имели только те девушки, которые *ходя вже на танец*, т.е. танцевали с парнями. Шею украшал *цятков* (монисто) (*Несторовский* 1905б: 47–51).

Прочность культурной традиции проявилась у русинов и в проведении празд-

ников, также описанных П.А. Несторовским. Празднование рождественских святок начиналось с кануна Рождества, или со “святого вечера”. Возвратившись из церкви, хозяева *вечеряли* (ужинали), причем под скатерть на столе подкладывали сено. Часа за два до наступления вечера семейства, в которых были мальчики или девочки, посылали последних к соседям и друзьям с так называемой *вечерею*. Вечеря – не что иное, как миска с вареной пшеницей, перемешанной иногда с тертым маком; поверх пшеницы клали конфеты, небольшие кусочки яблок и калач. Миску укутывали в платок, чтобы защитить от холода. Принеся вечерю в чей-то дом, мальчик или девочка подавали ее хозяйке со словами: “Тато и мама прислали вам вечерю” и при этом целовали женщине руку. Хозяйка развязывала платок, смотрела, из чего состоит вечеря, и затем опять завязывала ее. В благодарность она давала принесшему несколько копеек, калач, немного орехов или конфет и т.п.

Другие мальчики, на долю которых не выпала удача носить вечера, или уже успешные ее отнести кому следует отправлялись на *щадровки*. Они собирались в группы из двух-трех человек и, ходя от хаты к хате, пели под окнами. Когда наступали сумерки, мальчиков сменяли подростки. Хождение молодежи с колядой продолжалось непрерывно в течение трех дней со дня Рождества. За это время парубки, разделившись на группы, успевали обойти всю деревню. Содержание колядок редко имело отношение к празднику и было самое разнообразное. Пропев коляду, один из стоявших под окном парубков выкрикивал: «Хлопци-молодци! Дайты ся чуты! Винчуем-поздравляем сего господаря со Святым Рождеством, а мы вси щастем и здоровьем, а вы кажить: “Дай, Боже!”». Как мальчикам за щедрование вручали *боханци*, так и колядующие в благодарность за поздравительное пение получали от хозяина дома пару калачей и немного денег. Если у хозяина была взрослая дочь, колядников приглашали в дом для *плясая*. Оно заключалось в том, что парубки под звуки музыки плясали перед девушкой, получавшей от родителей для раздачи немного мелких медных монет. Она держала деньги в зажатых ладонях и побрякивала ими. Парубок, держа в руках шапку, плясал до тех пор, пока ему что-нибудь не перепадало. Обыкновенно пользовавшиеся расположением девушки успевали наплясаться больше других. Пляска проходила под пение остальных парубков и игру музыкантов.

Некоторые праздники, бытовавшие у русинов, отмечали и молдаване. Вечером под Новый год парубки ходили по деревне с так называемой *маланкой*: один из парней наряжался женщиной, другой – дедом, третий – цыганом, четвертый изображал из себя козу и т.д. Нарядившись таким образом, парубки с музыкой обходили те дома, где были взрослые девушки. После того как хозяин впускал парубков в дом, маланка начинала хозяйничать в нем. Она переставляла предметы в хате с одного места на другое, мыла миски, мазала стены глиной, подметала комнату и пр. Остальные под музыку предавались различным потешным кривляниям. В день Нового года рано утром мальчики, захватив с собой в узелок немного жита или пшеницы, отправлялись по домам поздравлять хозяев с наступившим Новым годом. Войдя в хату, они бросали на земляной пол зерно и приговаривали:

Сию, вию, посиваю,
С Новым годом поздравляю.
Роди вам, Боже,
Жито-пшеницю
И всяку яреницю;
Роди вам, Боже,
Коноплю по стелю,
Шоб вийшла рубашка по землю;
Роди вам, Боже,
И лен по колина,
Шоб вас голова не болила.

В некоторых суеверных семьях подбирали все брошенные зерна и окуривали ими жилище. Считалось, что они могут предохранить дом от эпидемии. Девушки-невесты использовали зерна для гадания: во время падения их ловили и затем подсчитывали. Если все зерна оказывались в паре – быть невесте в этом году замужем. В день Нового года гадали об урожае в наступившем году. Брали репчатый лук и делили его на 12 частей по числу месяцев в году. Каждую частицу лука посыпали солью. В какой из них оказывалось после этого больше влаги, в том месяце и будет больше дождя, а если это месяц, когда дождь действительно необходим для урожая хлебов, то отсюда и заключали об урожайности наступившего года. В некоторых местностях в день Нового года молодые парни поздравляли родителей таким образом: вводили в комнату телушек, служивших символом обилия сил и здоровья. За это родители одаривали детей гостинцами.

Накануне Крещения, как и в Рождественский сочельник, мальчиками и девочками разносилась по домам вечеря. С кануна Крещения начиналась вторая половина рождественских святок. Она, как и первая, сопровождалась хождением молодежи по селу с колядой. Если в начале святок мальчики ходили с *щедровками*, то теперь они шли с так называемым *гейканием*. Под окнами хат они выкрикивали:

Гей, твои волы – мои волы,
Гей, твий виз – мий виз,
Гей, твои колеса – мои колеса,
Гей, твое ярмо – мое ярмо,
Гей, твий батиг (кнут) – мий батиг.

Причем один из мальчиков восклицал: “Твои волы – мои волы”, а остальные громко и протяжно кричали: “Гей-гей”. Запевала продолжал: “Твий виз – мий виз”, а остальные опять: “Гей-гей”. Получив кусок хлеба, мальчики шли под окна другой хаты и т.д.

Парубки пели под окнами дома крещенскую коляду. Ее старались петь каждому хозяину, поскольку за это получали деньги для найма музыкантов. С наступлением

полуночи хождение с колядой прекращалось, потому что раздававшийся в это время колокольный звон приглашал всех в церковь. Народ понемногу начинал стягиваться туда. Возле церкви собирались толпы мальчиков с горящими головнями в руках. Для них особое торжество – побывать при освящении воды возле колодца, находившегося неподалеку от церкви или реки. Здесь все деревенские охотники после освящения воды оглашали воздух холостыми выстрелами из ружей. Вылетевшим из ружья комком ваты пытались завладеть все, отчего происходила неопишуемая давка. Этому комку суеверные русины придавали особые лекарственные свойства; им лечили при тифозных горячках или когда боль в голове отзывалась шумом в ушах. Вату вкладывали в таких случаях в уши, веря, что как когда-то вылетел из дула ружья комок ваты, так улетит из ушей то, что в них “стреляет”. Некоторые из присутствовавших при освящении воды выкрикивали: “Кирилейса” (исковерканное греческое “Господи, помилуй”).

Пасхальных обычаев, по сравнению с рождественскими, по словам П.А. Несторовского, у русинов было меньше. Обыкновенно, как и везде на Руси, в ночь перед Пасхой большинство не спало. Некоторые придерживались поверья, что в это время небо бывает отворено. Такие люди оставались в течение всей ночи на дворе своего дома, веря в то, что, увидя открывшееся небо, они будут счастливы всю оставшуюся жизнь, а после смерти непременно попадут в рай. Когда одни сельчане предавались такому безобидному времяпрепровождению, другие, преимущественно молодежь, пользуясь беспечностью какого-нибудь хозяина, утаскивали у него часть плетневой ограды, иногда целые ворота и сносили похищенное на какую-то улицу, чаще всего примыкавшую к церкви, и все это зажигали.

В первый день Пасхи большинство поселян собиралось возле церкви. Здесь молодежь играла, а старшие беседовали друг с другом и любовались играющими детьми. Девушки в это время устраивали хороводы. Они брались за руки и образовывали большой круг. Ходя из одной стороны в другую, они пели хороводные песни. Самой любимой в этом случае была песня о *воротарчике*:

Воротарю, воротарю, воротарчику!
Я втворю, я втворю воротычка.
А шо там, а шо там за пан иде?
А шо нам, а шо нам за дар везе?
Золотее, золотее зерняточко,
Крайнее, крайнее дитяточко!

Специфично у русинов и празднование храмового дня. Этот день носил общее название *праздныка*. Праздновался он в течение трех дней, на основании чего можно судить, что важность его для русинов не уступала важности Пасхи и Рождества Христова. Задолго еще до его наступления шли в деревне длительные приготовления. Хата обыкновенно вновь начисто обмазывалась глиной и *вапном* (известью) снару-

жи и изнутри. *Стриха* кругом обтыкалась цветами, свежими или сухими, смотря по тому, в какое время года бывал храмовой день. Те же цветы, по большей части любимый *купчак* или *чернобрывец*, украшали внутреннюю часть избы. Больше, конечно, этим занимались девушки. Около дома все старательно подчищалось. За несколько дней или накануне храмового дня крестьяне отправлялись в город или близлежащее местечко, где запасались всем необходимым для угощения ожидавшихся в этот день гостей. Богатый и бедный заготавливали к храмовому дню столько разных сортов пищи и питья, как ни на один из других дней года. Оно и понятно. В этот день даже бедняк и тот ожидал кого-нибудь в гости; было совестно плохо принять гостя, никто не хотел ударить, как говорится, лицом в грязь перед другими. На храмовой день стекались гости со всех окрестных сел, чего не бывало ни в один из иных дней года. Некоторые приезжали даже накануне. Почти каждая хата была полна гостями. В этот день редкий не напивался. Исключение в этом случае составляла молодежь, т.е. парубки и девушки, среди которых, особенно девушек, пить было не в обычае.

Самое появление гостя и угощение обставлялось следующим образом. Входя в хату своего знакомого, гость говорил всем присутствующим: “Добрый день”. На это приветствие все отвечали: “Дай, Боже, здоровья”. Затем гость обращался к хозяину или хозяйке с приветствием: он поздравлял с праздником, его благодарили за это. После этого гость и хозяин, если считали себя равными, целовали друг другу руки; если же один из них был старше другого по положению или годами, то целовал руку только младший у старшего, за что старший благодарил целующего. Затем пришедший последовательно, начиная со стариков и почетных лиц, здоровался со всеми таким же способом, как и с хозяином. Знакомство или незнакомство в данном случае не играло никакой роли. Так как большинство других гостей в это время сидело уже за столом, то здоровавшимся не всегда было удобно подойти к ним, чтобы выполнить обряд целования рук, поэтому они ограничивались лишь тем, что подавали друг другу руки, а потом целовали свою собственную руку, а именно указательный и крайний соседний палец ее, после чего прикладывали ее еще ко лбу. Когда были обойдены все гости, хозяин предлагал пришедшему садиться за стол, отводя ему при этом такое место, которое соответствовало его достоинству.

Затем начиналось угощение, которое открывалось всегда водкой. Налив рюмку водки, хозяин сначала выпивал сам, а потом подносил более почетному гостю, от которого она опять в строгом порядке переходила к другим присутствовавшим. Пили обыкновенно за здоровье того, к кому она должна была перейти. Если тот, которому предлагалась водка, почему-то отказывался, то его начинали усиленно упрашивать следующим образом: “Та зволяйте (пейте), куме Петре”, или “Частуйтыса (пейте), батьку или титко (тетя)” и т.п. Вообще русин любил, чтобы его просили при угощении. Недогадливость хозяина в этом случае объясняли нерасположенностью к гостям и негостеприимством. Что касается гостей-девушек, то без предварительных упрасиваний они не дотронутся до кушаний, так как без просьб они *соромятся* (стыдятся) есть. Девушка в гостях считала еду чем-то предосудительным, так что,

как бы ни была голодна, она, будучи гостьей, никогда не признавалась, что хочет есть. В самом селе в храмовой день было заметно сильное оживление: везде видны проезжающие по улицам повозки с полупьяными гостями, обнявшиеся друг с другом парубки, кучки девчат, карусель и т.д. Посередине села устраивались танцы, игры и т.п. (*Несторовский* 1905б: 121–141).

Характерной чертой русинской идентичности являлись особенности языка. Говор русинов, как подчеркивал в середине XIX в. А.С. Афанасьев-Чужбинский, – весьма древний: «Так, возвратная частица ставится впереди глагола. Русин говорит: ся смияти (смеяться), ся хвалити (хвалиться), ся турбовати (беспокоиться). Частица эта употребляется точно так же и при спряжении: я ся насмив (я насмеялся), вин ся похвалив (он похвалился). Некоторые слова произносятся с перестановкой букв. Так, малорусское криниця (источник) называется здесь кирниця, а глагол говорить, кажется, такой обыкновенный, является здесь в исковерканном виде – вогорить: “Я тобі вогорю, пиди до кирниці”. Слово нехай (пусть, пускай) по-руснакски – най. “Най буде так, як я вогорив”. Один – един, усякий – уселякий, усячина – уселячина. Творительный падеж единственного числа в именах женского рода вместо окончания -ою в некоторых местах имеет странную форму -оу: рукоу, ногоу» (*Афанасьев-Чужбинский* 1863: 5).

Язык русинов, как считал В.И. Кельсиев, из всех южнорусских наречий ближе к великорусскому (*Кельсиев* 1868: 288). Опустошения и перемещения населения на юге Киевской Руси, заключил в своем исследовании “Происхождение русского народа” В.В. Мавродин, привели к исчезновению древних местных диалектных форм языка, однако они долгое время сохранялись на севере Руси, а также в Прикарпатье и Закарпатье (*Мавродин* 1978: 92). Слова “мышь”, “сыр”, “рысь”, “мы”, “ты” и ряд других произносятся, как и в великорусском языке, отмечал П.А. Несторовский (*Несторовский* 1905б: 150).

Немало ценных сведений о численности, расселении, обычаях русинов Бессарабии содержатся в работах: “Список населенных мест Российской империи. Бессарабская область”. СПб., 1861; “Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова”. СПб., 1892; А.И. Зашук. “Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область”. СПб., 1862; “Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области”. СПб., 1863; А.И. Соболевский. “О районах бессарабских” (в брошюре “Русский народ как этнографическое целое”. Харьков, 1907); “Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. Издание газеты “Бессарабец” / Под ред. П.А. Крушевана. М., 1903; Л.С. Берг. “Бессарабия. Страна – люди – хозяйство” (Пг., 1918); А.А. Кочубинский. “Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки)” (Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССXXXVII. 1903. Июнь); В.Н. Бутович. “Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии” (Киев, 1916 г.) и т.д.

К сожалению, после 1917 г. дальнейшая разработка истории русинов была прекращена, труды дореволюционных исследователей оказались преданы забвению. Сам русинский этнос в XX в. подвергся целенаправленной денационализации. Значительная часть русинов была ассимилирована другими народами. Особенно сильно процесс национального слома произошел на территориях, отошедших к СССР. Население этих регионов долгое время успешно сопротивлялось попыткам насильственной румынизации, мадьяризации, полонизации. Однако русины оказались беззащитными перед ударом, который им нанесла Советская власть, которую они считали “своей”, так как эта власть ассоциировалась с российской государственностью. Они, лишённые новой властью права называться русинами, русскими, постепенно стали “растворяться” в окружающих этносах.

Несмотря на дерусификацию, проводимую в годы Советской власти, русины Молдавии до сегодняшнего дня смогли сохранить многие черты древней духовной и материальной культуры, родную речь, в основе которой лежит древнерусский язык. Многие обычаи, особенности говора, описанные русскими этнографами в конце XIX – начале XX в., можно встретить в селах, населённых потомками русинов, и ныне.

Летом 2004 г. мы проводили этнографические исследования в с. Булгак Рышканского р-на Молдавии. Это небольшое село (по данным переписи 1989 г., в нем проживало 279 чел.). Рядом находятся такие же русинские села: Чепария (277 чел.), Шумна (156 чел.). В них проживает много носителей одинаковых фамилий. Эти населённые пункты заселялись во второй половине XIX в. выходцами из разных сел. Гнатюки, к примеру, пришли из с. Бояны под Атаками (тогда Хотинский у. Бессарабии), Суляки из с. Шипинцы (в то время австрийская часть Буковины), Ротарь из с. Булбоака (Австрийская Буковина).

По словам старожилов, село Булгак изначально делилось на две *магалы* (стороны): “немецкую” (жителей, переселившихся из австрийской части Буковины, называли австрияками, немцами) и “русскую” (ее населяли русины из Хотинского у. Бессарабской губернии). «“Немцы” говорили и по-русски, и по-молдавски, – вспоминает Федор Ротарь, 1924 г. р., – а те, что пришли из Хотина, молдавский не знали. Обычаи обеих частей села были одинаковы».

Многие дома в с. Булгак до сих пор похожи на русинские хаты, описанные 100 лет назад: они имеют *прысьбу* (заваленку), выкрашены известкой, с деревянным верхом – *гонтой*. Хата состоит из трех частей: *велька хата*, *сени*, *хатчына* (малая хата). Внутри дома есть красный угол, кровать, покрытая войлоком из овечьей шерсти, *жердка* (вешалка), *мысник* (шкаф для посуды), *ослина* (деревянная скамья), *стилчаки* (низкие табуретки). Вокруг дома – деревянная или каменная ограда (*мур*).

“До 1960-х годов в селе сохранялись особенности говора, – говорит Ф. Ротарь. – Георгий Суляк еще произносил *рукоу*, *ногоу*. Все поотходило, перешли на русский язык”.

Сохранились многие русинские верования, о которых писали русские исследователи 100 и более лет назад. Интерес представляет сравнение примет и поверий,

описанных П.А. Несторовским с сохранившимися суевериями жителей с. Булгак (такие же обычаи, по словам жителей, распространены в соседних селах, населенных потомками русинов: Шумна, Чопария, Свердияк).

Местные жители по-прежнему считают, что: сильный ветер указывает на появление в селе висельника; женщина во время беременности старается не смотреть на некрасивые предметы, поскольку они, как считается, могут дурно отразиться на будущем ребенке; вой собак указывает на покойника на деревне или появление волка; в понедельник не следует выпекать в доме хлеб – появятся тараканы.

Поздно вечером, накануне дня св. Андрея а также в праздник девушка, стоя на дворе, прислушивается. Если до ее слуха долетит звук слова, которое означает движение вперед, то это предсказывает ей быстрое замужество, в противном случае ей долго ждать. Сторона, с которой раздаются звуки, также имеет значение, поскольку оттуда будет жених гадающей девушки.

Все описанные П.А. Несторовским суеверия, обычаи и приметы (*Несторовский* 1905а: 96–99) совпадают с теми, которые бытуют у жителей с. Булгак сегодня.

Несмотря на утрату этнонима “русин”, жители с. Булгак, как и население многих русинских сел Молдавии, сохранили в значительной мере материальную и духовную культуру предков, особенности говора, что отличает их от проживающих рядом с ними молдаван, русских (великороссов) и украинцев (малороссов). Это признают даже исследователи-украинисты, которые описывают историю, традиции и фольклор сел, где проживают потомки русинов (Спиває Стурзовка 1995: 22–27; В земле наши корни 1997: 105–147, 382–385). Старшее поколение еще помнит, что до 1950-х годов они считали себя русскими, как, впрочем, и население близлежащих молдавских сел, по привычке называющее села, где живут потомки русинов, – русскими.

В ноябре 2006 г. мы провели опрос среди 75 жителей сел Булгак, Шумна, Чепария. Опрошены были 33 мужчины и 42 женщины в возрасте от 25 до 56 лет (34 чел.) и от 60 до 80 лет (41 чел.). На вопрос “Считаете ли Вы, что по языку и культуре Вы отличаетесь от украинцев, живущих на Украине?”, 58 интервьюируемых ответили утвердительно, 3 – “не знаю” и только 14 – “нет”.

Политические перемены в Центральной и Восточной Европе в 1990-е годы инициировали второе русинское Возрождение. Возникла ситуация, напоминающая вторую половину XIX в., когда во всех австро-венгерских владениях – в Галиции, Буковине, Угорской Руси, населенных осколками древнерусского племени, – началось русинское Возрождение.

В любом демократическом государстве выбор национальной принадлежности – дело сугубо добровольное. Молодежь вправе сама определять свою принадлежность к тому или иному этносу. Но и независимо от того, кем считают себя сегодня потомки русинов: русскими, украинцами, молдаванами, румынами, венграми, поляками, словаками или русинами, они не должны забывать о своих корнях и могут гордиться своими предками, а так же тем именем, которое они им оставили.

Источники и литература

Афанасьев-Чужбинский 1863 – *Афанасьев-Чужбинский А.С.* Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. СПб., 1863.

Берг 1923 – *Берг Л.С.* Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923.

Бессарабия 1903 – Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. Издание газеты “Бессарабец” / Под ред. П.А. Крушевана. М., 1903.

Брокгауз, Ефрон 1891 – *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Том IIIA. СПб., 1891.

Великанова 1993 – *Великанова М.С.* Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей). М., 1993.

Вернадский 2000 – *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб., 2000.

В земле наши корни 1997 – В земле наши корни. История, традиции и фольклор сел Дану, Каменкуца и Николаевка Глодянского района. Кишинев, 1997.

Защук 1863 – *Защук А.И.* Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области. СПб., 1863.

Зеленчук 1979 – *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979.

Кельсиев 1868 – *Кельсиев В.И.* Галичина и Молдавия. Путевые письма. СПб., 1868.

Лашков 1912 – *Лашков Н.В.* Бессарабия. К столетию присоединения к России. 1812–1912 гг. Кишинев, 1912.

Мавродин 1978 – *Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л., 1978.

Мохов 1977 – *Мохов Н.А.* Образование Молдавского феодального государства // Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977.

Несторовский 1905а – *Несторовский П.А.* Бессарабские русины: Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905.

Несторовский 1905б – *Несторовский П.А.* Материалы по этнографии бессарабских русинов. Киев, 1905.

Новгородская первая... 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Первая всеобщая... 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905.

Полевой 1979 – *Полевой Л. Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979.

Потоцкий 1902 – *Потоцкий С.* Историко-географический очерк Бессарабской губернии. Опыт народоведения. Ялта, 1902.

- ПСРЛ 1856 – ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. СПб., 1856.
- Сергиевский* 1946 – *Сергиевский М.В.* Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории // Изв. Академии наук СССР. Отд. литературы и языка. Т. V. Вып. 4. М., 1946.
- Спивае Стурзовка 1995 – Спивае Стурзовка. Збірка українського та молдавського фольклору с. Стурзовка Глоденського району Молдови. Кишинів, 1995.
- Список населенных мест... 1861 – Список населенных мест Российской империи. Бессарабская область. СПб., 1861.
- Суляк* 2004 – *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.
- Шевченко* 2004 – *Шевченко А.* Непризнанный народ // Корреспондент (Киев). 2004. 10 июля. № 25 (114).
- Iorga* 1995 – *Iorga N.* Histoires des relations russo-roumaines // Histoires des relations roumaines. Anthologie et edition augmentee par Florin Rotaru. Buc., 1995. P. 358.
- Nistor* 1997 – *Nistor I.* Problema ucraineana in lumina istoriei. Radauti, 1997.